

ИОСИФ КОБЗОН:

«Я ЧЕЛОВЕК ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНЫЙ,
ДАЖЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ»

11 сентября, в день своего 72-летия, Иосиф Кобзон впервые за много лет дал большой сольный концерт в Лужниках. Певец, у которого в последнее время были и радости, и трудности, решил прервать долгую паузу.

— Наверное, сыграло роль ностальгическое название зала «Россия», который пригласил вас выступить?

— И это тоже, конечно. Я еще на своем 50-летию ввел традицию — чтобы известные артисты свой день рождения отмечали на сцене. Такой ежегодный творческий отчет. Ну и руководство ко мне обратилось: что ж, Иосиф Давыдович, нарушаете собственный почин? А насчет названия — хорошо, что сохранили его после того, как гостиницу «Россия» и знаменитую на весь мир концертную площадку снесли несколько лет назад. Теперь Государственный центральный концертный зал «Россия» базируется в Лужниках, во Дворце спорта.

— Помнится, в том зале висела солидная мраморная доска, посвященная вам.

— Она и сейчас существует — хранится в Лужниках. Ее сделали к моему 60-летию, когда я объявил, что собираюсь свернуть гастрольную деятельность (как бы в благодарность за сделанное мной на протяжении многих лет). Я же пел в «России» с самого начала, с первого концерта, когда в зале сидели только строители.

— Говорят, Кобзон — небедный человек, мог бы сам такой зал отстроить.

— У вас, журналистов, всегда все преувеличено: Кобзон приболел — значит умирает, Кобзон богат — значит мультимиллионер. Я 12 лет депутат Государственной думы, а всяк входящий туда подписывает заявление, что отказывается от любого бизнеса, кроме творческой деятельности. И бизнеса у меня нет.

Несмотря на то, что постоянно приходится материально помогать своему Агинскому Бурятскому округу, двум детским домам в Туле и Ясной Поляне. Помогаю в основном не своими деньгами, а за счет средств моих состоятельных друзей. Но зал отстроить никак не могу. Мог бы — давно бы уже отстроил.

— Но вы же почетный гражданин 28 городов нескольких стран: наверняка у вас больше возможностей, чем у простого смертного.

— Я очень горжусь честью, которую мне оказали Краснодар, Полтава, Днепропетровск, Донецк — столица моего родного Донбасса. Особо горжусь звани-

ем почетного гражданина Москвы — города, в который я когда-то приехал скромным паренком в солдатских сапогах. Быть в одном ряду с такими людьми, как Евгений Светланов, Майя Плисецкая, Александра Пахмутова, очень почетно. Но должен вам сказать, что материальных

ДОСЬЕ

Иосиф Кобзон родился 11 сентября 1937 года в Донецкой области Украины. Во время войны семья была в эвакуации в Узбекистане. В 1956 г. поступил в горный техникум. Окончил Институт имени Гнесиных (вокал). За 50 лет исполнил около 2000 песен. Особую славу ему принесли песни к сериалу «Семнадцать мгновений весны». Женами Кобзона были певицы Вероника Круглова и Людмила Сенчина, актриса Людмила Гурченко. Сейчас женат в пятый раз на Нинель Дризиной-Кобзон. Имеет сына, дочь и семь внуков.

привилегий это не дает никаких. Так что все шутки насчет бесплатной бани или проезда в трамвае — не более чем шутки.

— Кстати, о проезде. Вы, допустим, в метро часто спускаетесь?

— Крайне редко, но бывает. Метро у нас замечательное, но грязь в переходах, бомжи — это возмутительно.

— Вы всегда были вхожи в самые высокие круги власти. На даче у Брежнева пели...

— Начнем с того, что я пел перед Сталиным. В 1946 и 1948

годах как победитель школьной художественной самодеятельности, от Украины.

— В хоре?

— В каком хоре? Соло! «Летят перелетные птицы» и «Пшеница золотая» Блантера.

— И что, Иосиф Виссарионович как-то отреагировал, погладил по головке?

— Нет, он же в ложе сидел, в Кремлевском театре — тогда ни Дворца съездов, ни зала «Россия» не существовало.

И перед Хрущевым я пел, и на даче Брежнева... Однажды меня везли на машине с такого домашнего концерта, куда пригласили спеть для дочери Леонида Ильича Галины и ее друзей. Подъезжаем уже к моему дому на проспекте Мира, и когда я собрался выходить, водитель говорит:

вершенно разные деньги и средства для их добывания.

— А какую первую по-настоящему дорогую покупку вы в жизни сделали?

— В 1964 году я приобрел кооперативную квартиру, в которую переехал из коммунальной. Кстати, за всю жизнь не получил ни метра государственной площади. Вторую кооперативную квартиру купил в 67-м, в 70-м — первую машину, в 76-м — дачу. На которой и живу теперь. Правда, с годами перестроил ее, но все равно это не рублевский замок.

— В артистической судьбе очень частый грех и соблазн — выпивка.

— Не буду лукавить: трезвенником не был. Но мне было вполне достаточно 100 граммов

ных концерта в день. Ну и ставка у меня была самая высокая — 202 рубля 50 копеек за гастрольную программу. Нет, разве можно сравнивать богатство тогдашнего даже самого известного артиста с состоянием современных олигархов? Со-

в дружеской компании или после концерта для снятия напряжения. А теперь не пью вовсе, потому что здоровье не позволяет. Не надо ханжить. Как говорил Горький, пьяниц жалею, а непьющих боюсь.

— То есть такого, чтобы из-за выпитого, допустим, забыть слова песни, с вами не бывало?

— Что вы, до концерта — вообще строжайший сухой закон. Я увольнял моментально, если узнавал, что кто-то из моих музыкантов выпил хотя бы пива перед выходом на сцену, не говоря уж о крепких напитках.

— Иосиф Давыдович, вам, столько повидавшему в жизни (и в Чечне перед Басаевым певшему, и на Дубровку вызволять заложников ходившему), было когда-нибудь страшно?

— Всякое бывало: Афганистан, Чернобыль, Чечня, Дубровка... На один мой концерт в Грозном в 1990-е годы действительно вдруг явился Шамиль Басаев. Я пел на единственной сохранившейся площадке — стадионе для ручных игр.

Вместо аплодисментов публика стреляла в воздух: они ведь меня знали еще с 1964 года, когда я спел «Песню о Грозном», до сих пор там популярную (а мое первое звание — заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР). Вышел Басаев и сказал: «Нам положено дарить высоким гостям коня, но война у нас все отняла, поэтому дарим то, что можем». И подарил свой пистолет. Мне на ухо Ахмед Закаев, тогдашний их министр культуры, шепчет: «Из дареного оружия положено стрелять в воздух». Я ответил: «Ни из какого оружия стрелять не буду и не хочу, чтобы вы когда-нибудь стреляли».

— То есть страх вам вообще не знаком?

— Отчего же — когда самолет попадает в болтанку. Или когда на дороге тебя вдруг подрезает безумный лихач. Я человек впечатлительный, даже сентиментальный, но страха перед негодьями никогда не испытывал.